

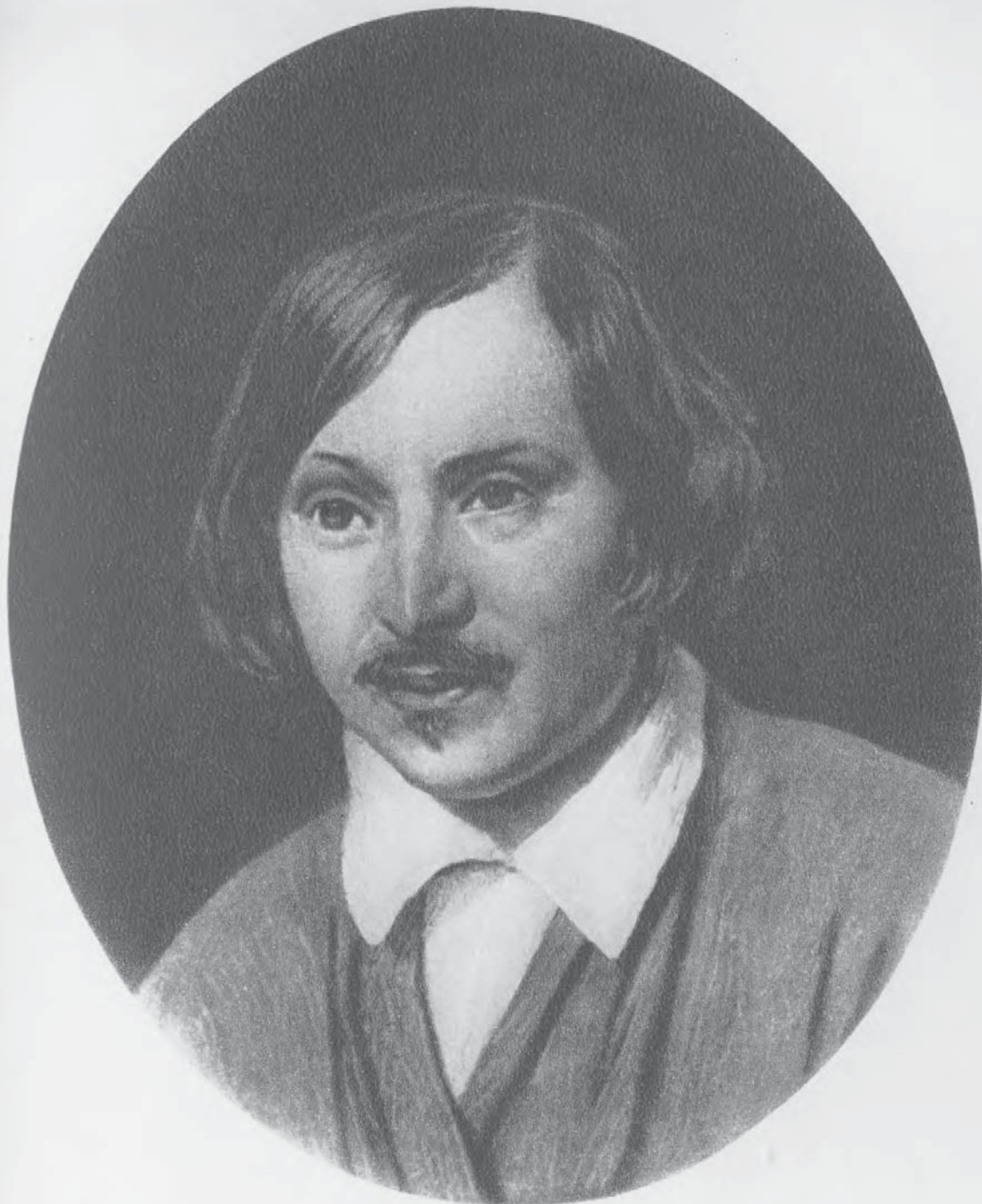
Я. М. НЕВЕРОВ

О НОВОЙ РУССКОЙ ОПЕРЕ ГЛИНКИ „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“

Нынешнею осенью жители Петербурга имели много художественных наслаждений. Едва только отгудели в здешних гостиных последние толки о выставке и о главных ее героях—Иванове, Воробьеве, Пименове, Завьялове, Маркове, как всеобщее внимание обратилось на привезенные в Эрмитаж из Англии картины Рафаэля, Гвидо, Караччи. В говор о живописи и скульптуре вмешивались слухи о новой опере нашего молодого маэстро г. Глинки «Жизнь за царя», которая готовилась к представлению: ею должен был открыться перестроенный Большой театр. Наконец 27-го ноября последовало это давно ожидаемое открытие — и стечение публики было чрезвычайное: все спешили видеть новый храм, воздвигнутый отечественным музам, и услышать оперу композитора, приобретшего известность и уважение своими прелестными романсами, песнями и инструментальными сочинениями. 27-е ноября день достопамятный в истории русской — это день смерти Сусанина; в нынешнем году он был ознаменован достойным образом. Прошло более двухсот лет, как благородный гражданин, истинный россиянин, пожертвовал жизнью за спасение своего законного государя—и вот благодарное потомство совершает по нем трогательную тризну. Музыкант и поэт оживляют его творческою силою искусства и он—в день смерти своей—является пред блистательною толпою, чтоб передать ей свои простые возвышенные чувства любви к родине и престолу. Первые звуки, слышанные нами с новой сцены, были звуки русские, высказывавшие русскую душу. Сусанин как бы посвятил новый храм искусств всему национальному. Дай бог, чтоб сбылось это доброе предзнаменование, и чтобы впредь с нашей сцены мы чаще слышали произведения в духе народном. Начало положено — у нас есть русская опера!

Прежде, нежели я буду говорить вам о музыке «Жизни за царя», — надобно ознакомить вас с содержанием самой поэмы. Опера есть такое произведение, где все искусства соединяются для очарования зрителя, и хотя в этом прекрасном союзе господствует музыка, однако композитор, как он ни самобытен, все еще несколько ограничен поэтом, указавшим ему точки, на которые должно устремляться его вдохновение; а потому, говоря о драматической музыке, нельзя упускать из вида служащей ей основанием поэмы.

Главное условие каждого сценического произведения есть жизнь, движение, разнообразие чувств и положений. Наш поэт излишне придерживался исторической точности и не позволил себе ни одного эпизода, ни одной частности, которые бы напоминали зрителю, что он видит произве-

Н. В. ГОГОЛЬ
С портрета А. А. Иванова

дение искусства, а не историю. Конечно, от того опера получила характер важный степенный— но он не нарушился бы от разнообразия в характерах, от столкновения интересов, словом, от того, что называют драматической завязкою. «Жизнь за царя» не драма, а картина¹ [...].

Должно заметить, что в поэме слышишь язык народный, впрочем, этот язык... но вспомним, что это опера, и что в редкой опере можно найти одну живую строфу, которую бы автор по нескольку раз не переделывал для музыканта. Зная, каких тяжких трудов стоит приладить поэму оперы к музыке, мы не будем упрекать барона Розена за его стихи. Все лежало на ответственности музыканта, и он один должен был создать и поддержать интерес целого. Наш маэстро исполнил эту обязанность: он дал опере жизнь, движение, развил то, на что только намекал автор. Со всем тем многие, слыша «Жизнь за царя», в первый раз оставались ею недовольны и вникали в него не прежде, как услыша его вторично; тогда внимание сосредоточивалось на одном только композиторе — и он увлекал вполне слушателей. Г. Глинка сделал все, что только можно было сделать. Прочтите поэму и скажите, что такое Ваня — вы не сумеете дать себе довольно ясного отчета; но прослушайте его партицию — и тогда в душе вашей составит прекрасный светлый образ сироты, заунывного даже и в счастье, смелого, отважного, который с благоговейным почтением любит своего благодетеля и душою предан царю и родине; в последней арии Вани грусть его является чем-то высоким, торжественным; поистине, для одной этой арии мы бы не соскучились двадцать раз быть в театре.

Но здесь еще не все достоинства музыки г. Глинки: важно то, что его опера есть произведение чисто русское, народное, родное. Как передать тот восторг, которым маэстро наполнил сердца любителей искусств, всех тех, которые поняли важный его подвиг. Никогда еще у нас сценическое произведение не возбуждало такого живого, полного энтузиазма, как «Жизнь за царя». Публика поняла композитора или, лучше скажем, была увлечена инстинктом к высокому его таланту: в восемь данных до сего времени представлений в театре не было ни одного свободного места, и каждый раз восторженными слушатели осыпали рукоплесканиями знаменитого маэстро. Г. Глинка вполне заслужил это внимание: создать народную оперу — это такой подвиг, который запечатлеет навсегда его имя в летописях отечественного искусства. У нас уже давно являлась потребность национальности в музыке. Мы были вполне убеждены, что наши народные песни скрывают в себе богатый источник совершенно оригинальной мелодии. Были даже опыты национальной оперы. Не упоминая о других, заметим, что г. Верстовский — композитор умный, с талантом истинным, хотя, впрочем, и не драматическим — старался перенести на сцену русское пение. Но он не успел в этом оттого, что думал создать оперу, заимствуя иногда целиком народные мотивы, иногда подражая им. Так как наши песни не имеют ничего драматического в словах и музыке, то составленные по ним оперы имели в себе тот же отрывистый лирический характер. Таковы лучшие произведения г. Верстовского — «Вадим» и «Аскольдова могила»: они суть не что иное, как собрание большею частью прелестных русских мотивов, соединенных немецкими хорами, квартетами и итальянскими речитативами. Если бы г. Верстовский отказался от претензии на народность, а писал бы оперу так, как ее писали в Германии, Италии, то мог бы подарить нас прелестными произведениями. Тут не было национальности, и притом дело теряло всякую стройность, и опера казалась произвольною смесью арий, дуэтов и терцетов всех стилей и всех народов, в которой слушатель тщетно искал какого-нибудь единства или господствующей идеи. Г. Глинка поступил иначе: он глубоко вникнул

взяты тот или другой мотив, и не находили оригинала. Это лестная похвала нашему маэстро; действительно, в его опере нет ни одного заимствованного мотива; но они все ясны, понятны, знакомы нам потому только, что дышат чистою народностью, что в них мы слышим родные звуки. Глазный характер в музыке «Жизни за царя» есть грация, где народность доступнее, потому что русская музыка имеет в себе чрезвычайно много мелодичности и прелести; но вся партиция Сусанина и некоторые арии Вани написаны в стиле высоком, патетическом — и при всем том они совершенно русские — вот важное обстоятельство! Мы до сего времени никогда не слыхали русской музыки в возвышенном роде — ее создал г. Глинка; он создал также совершенно особенный род речитатива и чрез то обогатил искусство новыми соображениями. Его речитативы не похожи ни на немецкие, ни на итальянские; они соединяют выразительность и драматическую изменяемость первых с мелодичностью вторых, и в них, кажется, слышишь интонацию русского говора. Ко всем замеченным нами достоинствам этого важного произведения прибавьте еще богатую инструментировку, возвышающую красоты музыкальных идей композитора; но он, впрочем, сильнее в вокальной части оперы. Скажем наконец: в партиции «Жизни за царя» все ново, свежо, оригинально, начиная с основной идеи до последних подробностей исполнения, и если бы нас спросили, какие номера в ней лучшие, то мы бы затруднились в выборе и смело сказали, что они все прекрасны, начиная с первого и до последнего. На публику особенно сильное впечатление производят: мазурка, хор поляков с аккомпанементом речитатива Сусанина во 2 акте; последняя сцена Сусанина в 3 акте; ария-терцет в эпилоге (Ваня, Антонида, Богдан): всеобщее движение в зале, гром рукоплесканий и даже слезы, утираемые украдкой, показывают, что автор проникает в этих пьесах прямо до сердца слушателей.

Не прошло еще трех недель со времени появления на сцене «Жизни за царя», а уже мотивы его слышатся не только в гостиных, где она теперь владеет разговором, — но даже на улице — новое доказательство народного духа этой оперы. Надеемся, что вскоре она сделается известною и не в одном Петербурге. По сие время напечатаны из нее только две арии и мазурка, балет, аранжированные для фортепиано самим автором; но мы слышали, что к концу января она выйдет вполне и с немецким переводом. Посредством этого перевода «Жизнь за царя» явится на суд Европы. Думаем, что за границей ее ожидает лестный прием. Музыка, как и все искусства, отчасти истощили те идеи, в которых они вращались в течение нынешнего столетия. Нужна была новая, свежая мысль для обновления их; но этой свежей мысли уже давно ищет в себе Европа и не находит.

В одной только России есть еще богатое будущее: юная, свежая, она своей национальностью должна обновить дряхлеющую художественную жизнь своей наставницы и внести в нее новые элементы. Кажется, теперь наступает та пора, когда Россия должна представить Европе плоды своей духовной жизни — и едва ли опера г. Глинки не будет там первою представительницею нашей народности. Европа удивится этой новой неслыханной ею мелодии, и если не поймет ее тотчас, то сумеет оценить впоследствии и воспользоваться новыми идеями, развитыми нашим маэстро. Теперь мы смело можем сказать, что у нас есть национальное искусство: иностранцы признают самобытность нашей школы живописи; но

си колебался в своем полете, но теперь, кажется, твердо вступил на прямой путь, указываемый ему народом.

Я не сказал еще вам ни слова об обстановке новой оперы и сценическом ее исполнении. Костюмы, декорации — прекрасны, особенно последняя, изображающая Красную площадь, наполненную народом; но танцы не совсем удовлетворительны. Польский бал на нашей сцене как-то вял; мы ожидали чего-нибудь более одушевленного. Оркестр исполняет свою обязанность как нельзя лучше; почти все певцы и певицы делают все, что позволяют им их средства; а главные, г. Петров (Сусанин) и г-жа Воробьева (Ваня), заслуживают полную признательность за превосходное исполнение. Последняя ария в эпилоге есть торжество г-жи Воробьевой; она в ней превосходна. Должно также отдать справедливость и г-же Степановой старшей (Антонида), которая хотя не имеет обширных средств, но исполняет свою партицию отчетливо и с приятностью.

Н. В. ГОГОЛЬ

ИЗ „ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗАПИСОК 1836 ГОДА“

...Опера принимается у нас очень жадно. До сих пор не прошел тот энтузиазм, с каким бросился весь Петербург на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адским наслаждением музыку «Роберта». «Семирамида», на которую за пять лет пред сим равнодушно глядела публика, «Семирамида» в нынешнее время, когда музыка Россини почти анахронизм, приводит в совершенный восторг ту же самую публику. Об энтузиазме, произведенном оперою «Жизнь за царя», и говорить нечего: он понятен и известен уже целой России. Об этой опере надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыке, ни о пении. Мне кажется, что все музыкальные трактаты и рецензии должны быть скучны для самих музыкантов: в музыке огромнейшая часть ее невыразима и безотчетна. Музыкальные страсти — не житейские страсти; музыка иногда только выражает, или, лучше сказать, подделывается под голос наших страстей, для того, чтобы, опершись на них, устремиться брызжущим и поющим фонтаном других страстей в другую сферу. Замечу только, что меломания более и более распространяется. Люди такие, которых никто не подозревал в музыкальном образе мыслей, сидят неотлучно в «Жизни за царя», «Роберте», «Норме», «Фенелле» и «Семирамиде». Оперы даются почти два раза каждую неделю, выдерживают несчетное множество представлений, и все-таки иногда трудно достать билет. Уж не наша ли славянская певучая природа так действует? И не есть ли это возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения, где около нас говорили все непонятным языком и мелькали все незнакомые люди, возврат на русской тройке, с заливающимся колокольчиком, с которым мы, привстав на бегу и помахивая шляпой, говорим: «В гостях хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина, зве-